

«АНГЛИЙСКИЙ» МОДЕРНИЗМ

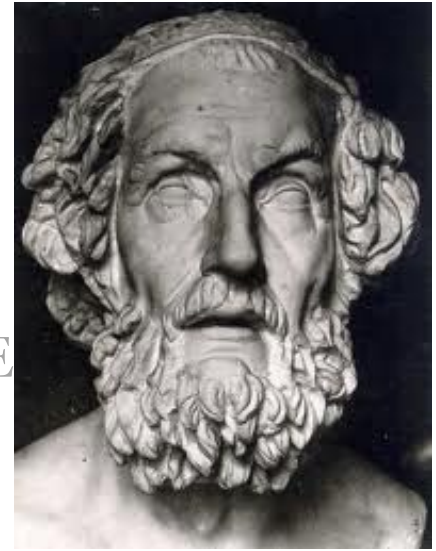
(1882-1941)

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

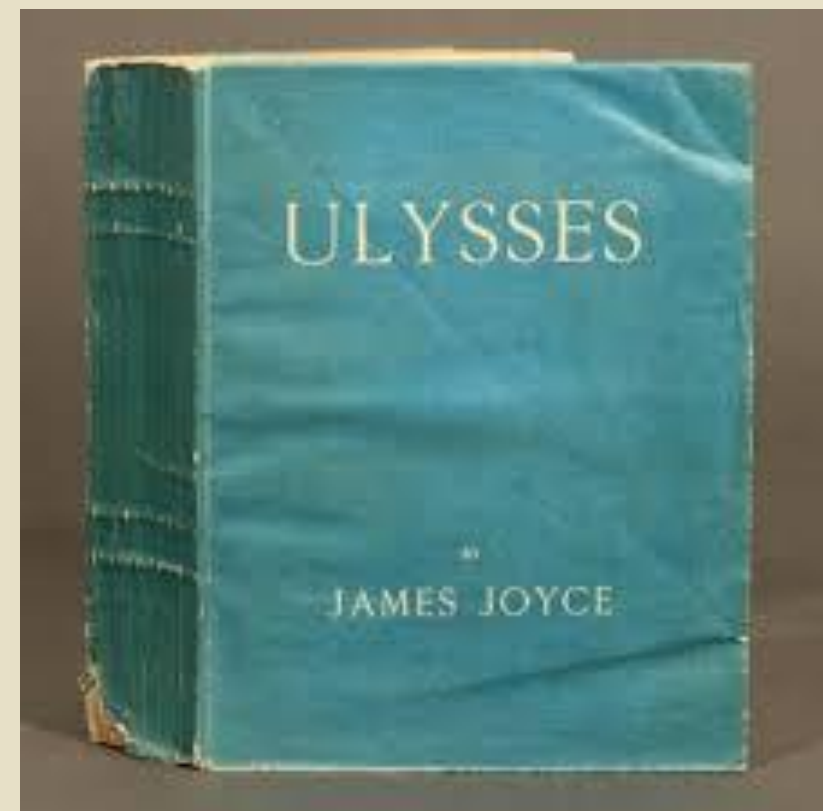
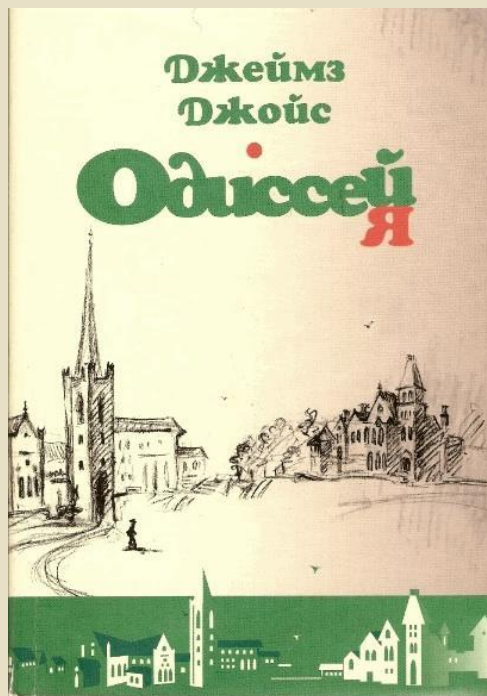
JAMES AUGUSTINE ALOYSIUS JOYCE

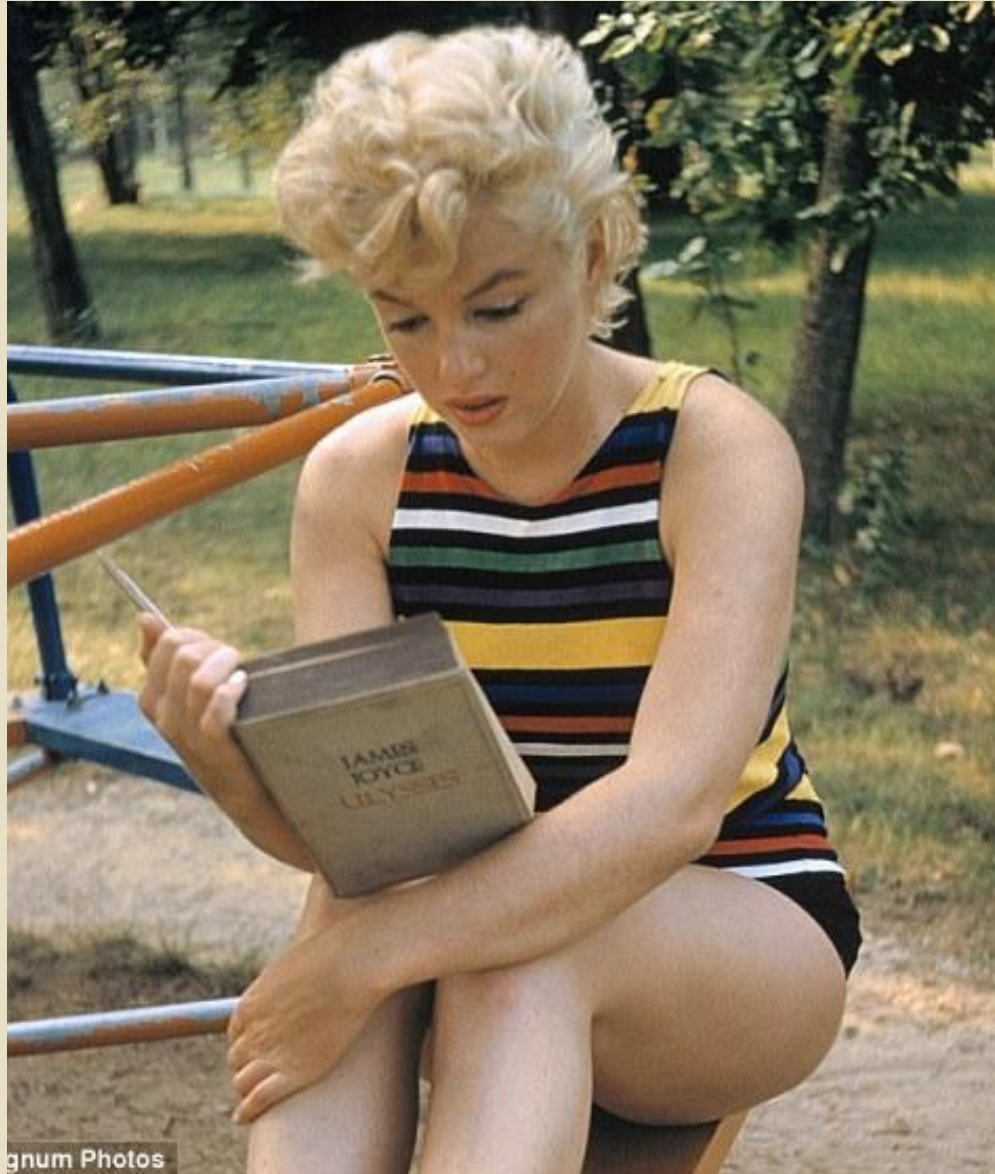

«Улисс», 1914-1921 гг., издание и запрет в 1922 г.

Путь к (пост-) советскому читателю

- 1936 – Интернациональная литература
- 1989 – Иностранная литература («Из классики XX века») перевод В. Хинкиса и С. Хоружего – проблемы при переводе – «ОдиссейЯ»
- 1978 – 617.000
- 1989 – 420.000 («Мир читает «Улисса»)
- 1990 – 328.700
- 1991 – 140.600
- 1994 – 70.000
- 2007 – 7.000

bloomsday
a james joyce celebration

Monday June 16th at 8 PM
Co-presented by Theatre Gael
composition gallery Music By HUBCAP CITY
1388 McLendon Ave NE
compositiongallery.com

16 ИЮНЯ

Антиреалистическая концепция человека

Коллективное бессознательное ↔ социальный детерминизм

° Леопольд Блум + Стивен Дедал = Одиссей + Телемах

° архетип Отца (тоска по Руди) + архетип Сына (Саймон Дедал) — невозможность их «встречи» в реалистическом мире — отсутствие общего

Реалистическое (позитивистское) понимание человека

Бальзак: Идея этого произведения (ЧК) родилась из сравнения человечества с животным миром... Есть только одно живое существо. Создатель пользовался одним и тем же образцом для всех живых существ. Живое существо - это основа, получающая отличительные признаки своей формы в той среде, где ей назначено развиваться. Животные виды определяются этими различиями.

Общество подобно Природе. Общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире. Различие между солдатом, рабочим, чиновником, адвокатом, бездельником, ученым, государственным деятелем, торговцем, моряком, поэтом, бедняком, священником так же значительно, хотя и труднее уловимо, как и то, что отличает друг от друга волка, льва, осла, ворона, акулу, тюленя, овцу и т.д. Стало быть, существуют и всегда будут существовать виды в человеческом обществе, так же как и виды животного царства.

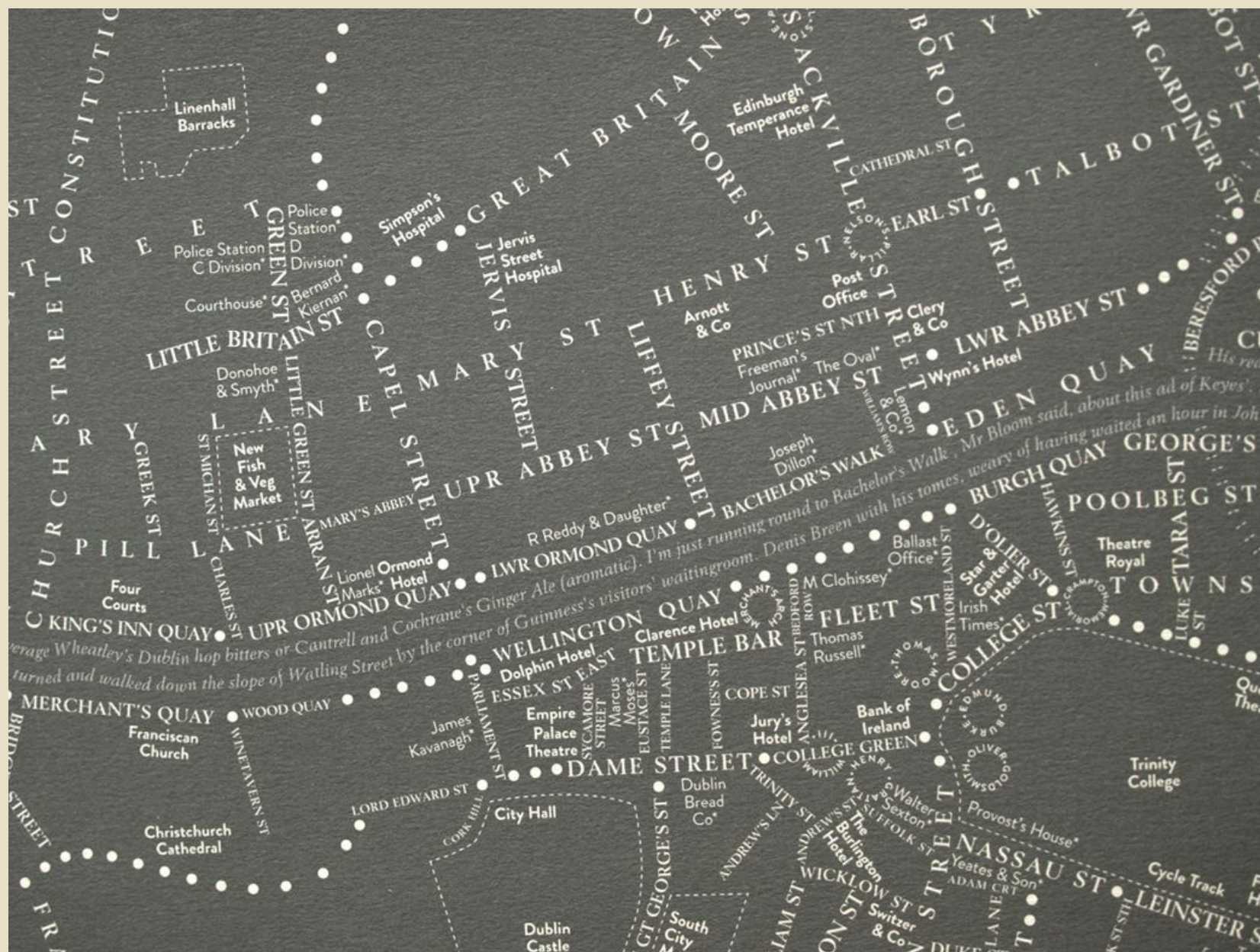
Реалистическое (позитивистское) понимание человека

Насколько занимательны нравы животных, все же повадки каждого из них, по крайней мере на наш взгляд, одинаковы во все времена, а между тем обычаи, одежда, речь, жилище князя, банкира, артиста, буржуа, священника, бедняка совершенно различны и меняются на каждой ступени цивилизации.

Таким образом, предстояло написать произведение, которое должно было охватить три формы бытия мужчин, женщин и вещи, то есть людей и материальное воплощение их мышления, - словом, изобразить человека и жизнь.

Ипполит Тэн – «Раса, среда и момент»

И.А. Гончаров «Обломов» – глава IX «Сон Обломова»

16 июня 1904 г.

Блуждания Блума
по Дублину =
Одиссея

Схема романа: 18 эпизодов «Улисса» || «Одиссеи»

Глава	Сцена	Время	Орган	Цвет	Символ	Искусство	Техника
Telemachus	Башня	8	-	Белый/золотой	Наследник	Теология	Повествование (юное)
Nestor	Школа	10	-	Коричневый	Лошадь	История	Катехизис (личный)
Proteus	Пляж	11	-	Зелёный	Прилив	Филология	Монолог (мужской)
Calypso	Дом	8	Почки	Оранжевый	Нимфа	Экономика	Повествование (зрелое)
Lotus-eaters	Ванна	10	Гениталии	-	Евхарист	Ботаника/Химия	Нарциссизм
Hades	Кладбище	11	Сердце	Белый/чёрный	Смотритель	Религия	Инкубизм
Aeolus	Газета	12	Лёгкие	Красный	Редактор	Риторика	Энтимема
Lestrygonians	Ланч	13	Пищевод	-	Констебль	Архитектура	Перистальтика
Scylla and Charybdis	Библиотека	14	Мозг	-	Стратфорд	Литература	Диалектика
Wandering Rocks	Улицы	15	Кровь	-	Граждане	Механика	Лабиринт
Sirens	Концертный зал	16	Уши	-	Бармен	Музыка	Fuga per Canonem
Cyclops	Таверна	17	Мышцы	-	Фений	Политика	Гигантизм
Nausicaa	Скалы	20	Глаза, нос	Серый/синий	Девственность	Живопись	Tumescence/detumescence
Oxen of the Sun	Госпиталь	22	Чрево	Белый	Мать	Медицина	Эмбрион
Circe	Бордель	полночь	Локомоция	-	Проституция	Магия	Галлюцинация
Eumaeus	Укрытие	1	Нервы	-	Моряки	Навигация	Повествование (старческое)
Ithaca	Дом	2	Скелет	-	Кометы	Наука	Катехизис (безличный)
Penelope	Кровать	∞	Плоть	-	Земля	-	Монолог (женский)

Эпизод Улисса — эпизод Одиссеи — тема — стиль эпизода

2. Нестор – школа, история, катехизис

— Кокрейн, ты скажи. Какой город послал за ним?

— Тарент, сэр.

— Правильно. А потом?

— Потом было сражение, сэр.

— Правильно. А где?

Мальчуган с пустым выражением уставился в пустоту окна.

Басни дочерей памяти. Но ведь чем-то и непохоже на басни памяти. Тогда — фраза, сказанная в сердцах, шум Блейковых крыл избытка. Слышу, как рушатся пространства, обращаются в осколки стекло и камень, и время охвачено сине-багровым пламенем конца. Что же нам остается?

— Я позабыл место, сэр. В 279 году до нашей эры.

— Аскулум,— бросил Стивен, заглянув в книгу с рубцами кровопролитий.

— Да, сэр. И он сказал: еще одна такая победа — и мы погибли.

Вот эту фразу мир и запомнил. Утеха для скудоумных. Над усеянной телами равниной, опершись на копье, генерал обращается с холма к офицерам. Любой генерал к любым офицерам. А те внимают.

3. Протей – пляж, прилив, монолог (мужской)

- Отлично передвигаюсь в темноте. На боку **ясеневая шпага**. Постукивай ею: они так делают. Ноги мои в его башмаках.
- Мое я сидит здесь с **ясеневым жезлом жреца**, в заемных сандалиях, днем возле свинцово-серого моря в лиловой ночи движется под эгидою загадочных звезд.
- В шляпе, с **посохом** бреду, башмаки стучат. Его-мои башмаки.
- Их **пес** суетился возле осыпающейся грядки песка, рыскал вокруг, обнюхивая со всех сторон. Что-то ищет, что потерял в прошлой жизни. Внезапно он помчался, как **заяц**, уши назад, погнавшись за тенью низко летящей чайки. Резкий свист мужчины ударил в его вислые уши. Он повернул и помчался назад. В червленом поле **олень** бегущий, цвета природного, без **рогов**. У кружевной кромки прилива остановился, упершись передними **копытами**, насторожив уши к морю. Задравши морду, **облаял** шумные волны, стада моржей. (Тюленей???)

7. Эол – газета

В СЕРДЦЕ ИРЛАНДСКОЙ СТОЛИЦЫ

Перед колонною Нельсона трамваи притормаживали, меняли пути, переводили дугу, отправлялись на Блэкрок, Кингстаун и Долки, Клонски, Рэтгар и Тереньюр, Пальмерстон парк и Верхний Рэтмайнс, Сэндимаунт Грин, Рэтмайнс, Рингсенд и Сэндимаунт Тауэр, Хэролдс-кросс. Осипший диспетчер Объединенной Дублинской трамвайной компании раскрикивал их:

— Рэтгар и Тереньюр!

— Заснул, Сэндимаунт Грин!

Параллельно справа и слева со звоном с лязгом одноэтажный и двухэтажный двинулись из конечных тупиков, свернули на выездную колею, заскользили параллельно.

— Поехал, Пальмерстон парк!

ВЕНЦЕНОСЕЦ

У дверей главного почтамта чистильщики зазывали и надраивали. Его Величества ярко-красные почтовые кареты, стоящие на Северной Принс-стрит, украшенные по бокам королевскими вензелями Е. R., принимали с шумом швыряемые мешки с письмами, открытками, закрытками, бандеролями простыми и заказными, для рассылки в адреса местные, провинциальные, британские и заморских территорий.

11. Сирены – Музыка – Fuga per Canonem

За бронзой золото услышало цокопыт сталезвон.

Беспардон дондондон.

Соринки, соскребая соринки с заскорузлого ногтя. Соринки.

Ужасно! И золото покраснелось сильнее.

Сиплую ноту флейтой выдул.

Выдул. О, Блум, заблумшая душа.

Золотых корона волос.

Роза колышется на атласной груди, одетой в атлас, роза Кастилии.

Напевая, напевая: Адолорес.

А ну-ка, кто у нас... златовлас?

Звонок сожалеющей бронзе жалобно звякнул.

И звук чистый, долгий, вибрирующий. Медленно замирающий звук.

Маняще. Нежное слово. Взгляни! Уж меркнут звезды. О, роза! Ноты, щебечущие ответ.

Кастилии. Утро брезжит.

Звякая дребезжа катила коляска.

Sirens – Музыка – Fuga per Canonem

BRONZE BY GOLD HEARD THE HOOFIrons, STEELYRining IMPERthnthn
thnthnthn.

Chips, picking chips off rocky thumbnail, chips. Horrid! And gold flushed more.

A husky fifenote blew.

Blew. Blue bloom is on the
Gold pinnacled hair.

A jumping rose on satiny breasts of satin, rose of Castille.

Trilling, trilling: I dolores.

Peep! Who's in the... peepofgold?

Tink cried to bronze in pity.

And a call, pure, long and throbbing. Longindying call.

Decoy. Soft word. But look! The bright stars fade. O rose! Notes chirruping answer.

Castille. The morn is breaking.

Jingle jingle jaunted jingling.

14. Быки Гелиоса — 9 внутренних разделов, стадий развития английского языка

Се убо слово молвим о той дружине яже собрася ту помысл имея опойство велие учинити. По всякой стране стола школяры седяху, иже сии суть, уноша Диксон нарицаемый от Святыя Марии милосердныя и искреннии его Линч и Мэден, школяры учащиеся врачеванию, и оный вотчинник худороден глаголемый Ленехан, и некто от Алба Лонги нарицаемый Кротерс, и Стивен ун иже образ послушника имяше и в головах сего же стола сядяще и Костело иже нарицаем бе Панч сиречь Пясть зане велику славу имяше яко витязь храбр (и бе паче всех пьян разве едина уноши Стивена и паки и паки себе меда просяше), и подле смиранный боярин Леополд. Обаче ждаху они Малахию млада иже обещевася онуду приити и елицы не хотяху благоутробия явити рекоша яко сей преступи слово свое. И Леополд боярин с ними седе яко крепкое имяше приятелство к боярину Саймону и к оному Стивену иже бе сын его и такожде яко скорби его утишишася от странствий многих тем паче яко бе потчует и почтен. Жалость жалит его, страсть стремится к странствию, обаче не отыде оттуду.

18. Пенелопа

а уж священник тем более я бы хотела чтоб меня обнял кто-нибудь в таком облачении и запах ладана от него почти как сам папа к тому же если ты замужем со священником ничем не рискуешь он сам слишком опасается потом платишь сколько-то Его Святейшеству папе за покаяние интересно он остался доволен мной или нет мне одно не понравилось в передней когда уже уходил до того бесцеремонно хлопнул меня по заду я хоть и засмеялась но уж знаете я ему не лошадь и не ослица наверно вспомнил отцовских интересно может быть он сейчас проснулся и думает обо мне или видит сон про меня но кто же подарил ему тот цветок сказал что купил чем-то от него пахло хмельным только не виски и не пивом может этим их сладковатым клейстером для афиш что-то с ликером а хорошо бы посмаковать тех напитков что потягивают денди-театралы в цилиндрах зеленые желтые видно сразу что дорогие однажды помню отведала окунула палец к тому американцу что разговаривал с отцом о марках у него еще белка была а он изо всех сил старался чтоб не заснуть после последнего раза пили потом портвейн и паштет был отличного вкуса солоноватый да и я себя чувствовала чудесно тоже устала повалилась сразу к себе в постель и как каменная заснула пока не проснулась от этого ужасного грома помилуй Господи я уж думала небо на нас разверзлось за грехи наши перекрестилась прочитала Аве Мария громовые (и так 50 страниц)

У. Джемс — антиинтеллектуализм → «ПОТОК СОЗНАНИЯ»

Интеллектуализм — способность приводить сырой поток нашего чисто чувственного опыта в систему понятий

Платон (вещи и понятия) ↔ чукчи (оттенки снега), бедуины (лев и верблюд), Карлос Кастанеда (это не ветер, а то, что вы называете «ветер»)

У. Джемс — антиинтеллектуализм → «ПОТОК СОЗНАНИЯ»

Вы не можете создать непрерывное бытие из прерывных понятий, а ваши понятия прерывны. Ступени, на которые вы разлагаете какое-нибудь изменение, суть состояния, а самое изменение движется между ними. Оно находится в промежутке между ними, занимает область, не охватываемую вашим определением, и таким образом совершенно ускользает от объяснений с помощью понятий.

Постигать жизнь посредством понятий — значит остановить ее движение, разрезая ее как бы ножницами на куски и складывая их в наш логический гербарий.

Образование понятий есть отсечение и фиксирование; мы исключаем все, кроме того, что мы зафиксировали. Понятие подразумевает это — а — не — иное. В наших понятиях время исключает пространство, движение и покой взаимно исключают друг друга, приближение исключает соприкосновение, присутствие исключает отсутствие... Разбив однажды действительность на понятия, вы уже никогда не сможете воссоздать ее в ее цельности.

Поток сознания — Стивен

Неотменимая модальность зримого. Хотя бы это, если не больше, говорят моей мысли мои глаза. Я здесь, чтобы прочесть отметы сути вещей: всех этих водорослей, мальков, подступающего прилива, того вон ржавого сапога. Сопливо-зеленый, серебряно-синий, ржавый: цветные отметы. Пределы прозрачности. Но он добавляет: в телах. Значит, то, что тела, он усвоил раньше, чем что цветные. Как? А стукнувшись башкой об них, как еще. Осторожно. Он лысый был и миллионер, *maestro di color che sanno*. Предел прозрачного в. Почему в? Прозрачное, непрозрачное. Куда пролезет вся пятерня, это ворота, куда нет — дверь. Закрой глаза и смотри.

Стивен, закрыв глаза, прислушался, как хрустят хрупкие ракушки и водоросли у него под ногами. Так или иначе, ты сквозь это идешь. Иду, шажок за шажком. За малый шажок времени сквозь малый шажок пространства. Пять, шесть: это *nacheinander*. Совершенно верно, и это — неотменимая модальность слышимого. Открой глаза. Нет. Господи! Если я свалюсь с утеса грозного, нависшего над морем, свалюсь неотменимо сквозь *nebeneinander*.

Поток сознания — Блум

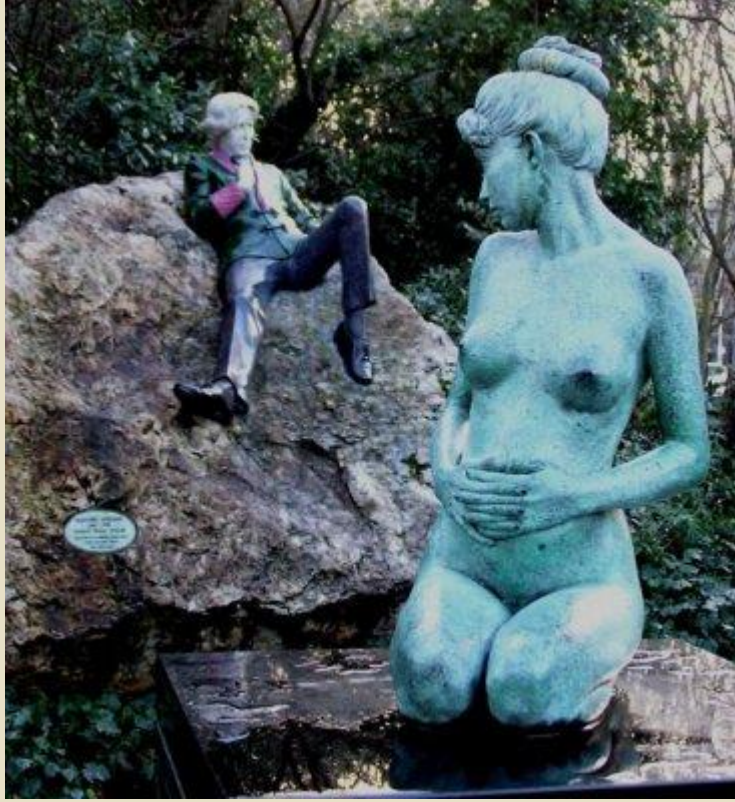
У коттеджей Брэди шатался мальчишка-свалочник, примкнув ведерко с требухой, сосал жеваный окурок. Девчонка помладше, с изъеденным коростой лбом, глазела на него, вяло придерживая ржавый обруч. Сказать ему, если курит — перестанет расти. Да ладно, оставь в покое! И так житье у него не рай. Ждать у трактира, тащить папашу домой. Тять, ну пойдем, мамка ждет. Как раз затишье: не будет много народу. Он перешел Таунсенд-стрит, миновал хмурый фасад Бетеля. Да, Эль. Его дом: Алеф, Бет. Потом похоронное бюро Николса. В одиннадцать. Времени хватит. Ей-ей, Корни Келлехер подкинул эту работенку О'Нилу. Напевает, прикрыв глаза. Корни. Повстречал я в темном парке. Одну пташку. Возле арки. Работает на полицию. Свое имя мне сказала и мои труляля труляля там там. Ясное дело, он подкинул. Схороните-ка по дешевке в сухом-немазаном. И мои труляля труляля труляля труляля.

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

- Вирджиния Стивен – отец Лесли Стивен – историк, директор Лондонской библиотеки, альпинист (первая жена – дочь Теккерея)
- Группа «Блумсбери» (математик, философ и мыслитель Б. Рассел, писатель Э.М. Форстер и др.) – утонченность, эстетизм, элитарность
- Эстетизм – искусство самодостаточно и находится вне морали и нравственности
- Художник находится «по ту сторону добра и зла» – распространение этих принципов на жизнь (Уайльд), двусмысленные репутации (О. Бердслей)
- Традиции эстетизма – изгнание Вулф социальной проблематики из искусства
- Бой (критическому) реализму – художник не должен сковываться условностями + влияние Джойса
- У истоков феминизма – дядьки как тетки | | Устинова

Творческие принципы Вулф

Всмотритесь хоть на минуту в обычное сознание в обычный день. Мозг получает мириады впечатлений - обыденных, фантастических, мимолетных или врезающихся с твердостью стали. Со всех сторон наступают они, этот неудержимый ливень неисчислимых частиц, и по мере того как они падают, как они складываются в жизнь понедельника или вторника, акценты меняются, важный момент уже не здесь, а там, так что если бы писатель был свободным человеком, а не рабом, если бы он мог руководствоваться собственным чувством, а не условностями, то не было бы ни сюжета, ни комедии, ни трагедии, ни любовной интриги, ни развязки в традиционном стиле, и возможно, ни единой пуговицы, пришитой по правилам портным с Бонд-стрит.

Давайте описывать мельчайшие частицы, как они западают в сознание, в том порядке, в каком они западают, давайте пытаться разобрать узор, которым все увиденное и случившееся запечатлелось в сознании, каким бы разорванным и бессвязным он нам ни казался. Давайте не будем брать на веру, что жизнь проявляется полнее в том, что принято считать большим, чем в том, что принято считать малым.

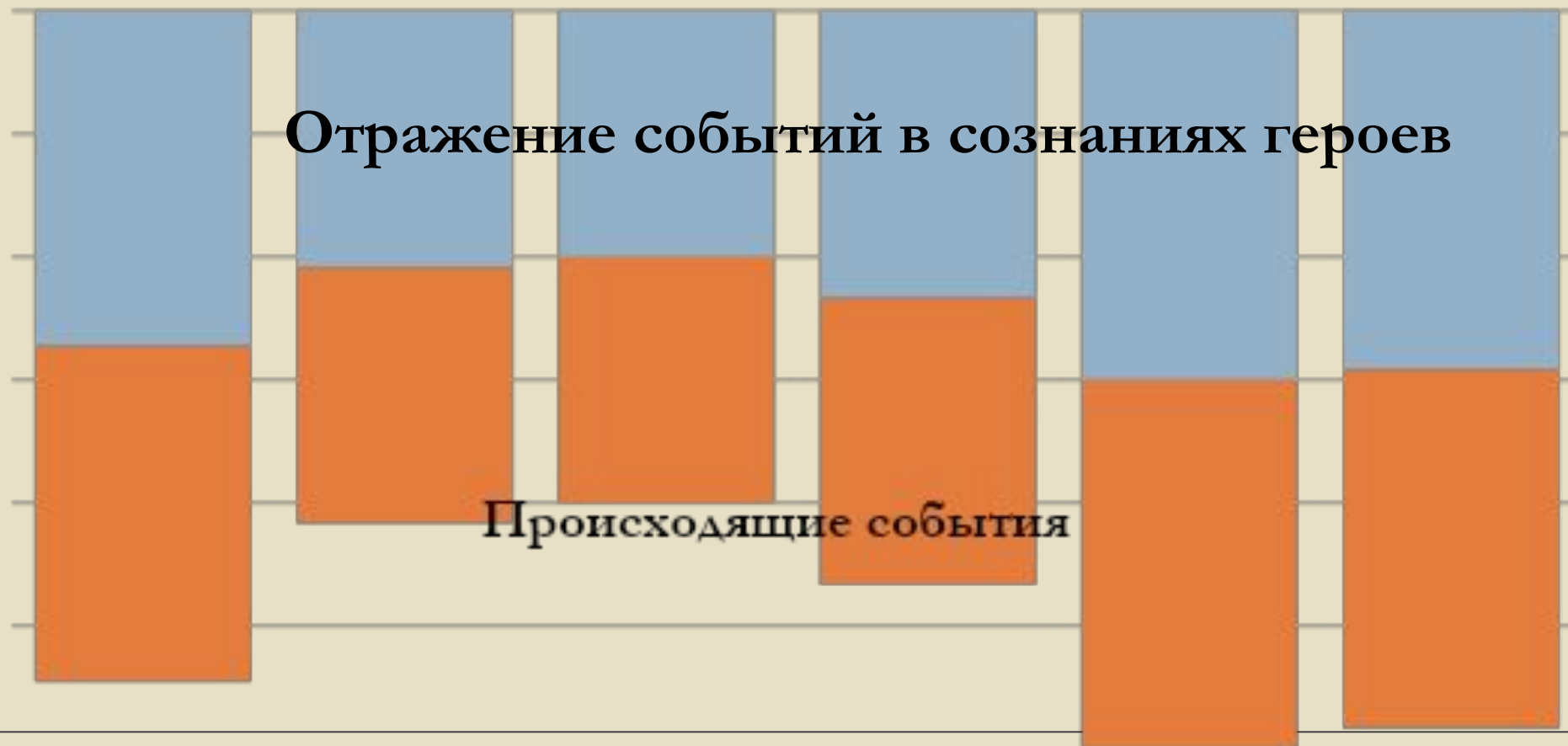
- Перенос акцентов с автора на героя (героев)
- Не изображение автором действительности (в том числе героев), а изображение действительности через ее восприятие героями. В результате не обобщение всех людей (героев) в одного «типического героя», а индивидуализация (?) каждого героя

«Миссис Дэллоуэй», 1925

- «Улисс» для домохозяек — полдня похода за цветами
- Часовой колокол — «Свинцовые круги побежали по воздуху»
- Бессюжетность
- Прежний мутный воздыхатель Питер Уолш
- Леди Брути — Хью Уитбред
- Элизабет — мисс Килман
- Септимус и (Лук)Реция ~~Уоррен~~-Смит — Эванс — доктор Доум

Отражение событий в сознаниях героев

Происходящие события

«Передача впечатлений»

1. – Погляди же! – повторяла она, чтобы он не говорил сам с собою на людях.

1.1.-1.2.– Погляди же! – молила она. Но на что тут было глядеть? Только овцы одни. Вот и все.

1-2. Как пройти к метро «Риджентс-Парк»? Не могут ли они ей сказать, как пройти к метро «Риджентс-Парк», хотела знать Мейзи Джонсон. Она только позавчера из Эдинбурга приехала.

– Нет, нет, не так – вон туда! – крикнула Реция, оттесняя ее в сторону, чтоб не видела Септимуса.

2. Оба странные, подумала Мейзи Джонсон. Все тут было ужасно странно. В Лондоне она была первый раз...

Мейзи хотелось кричать: «Ужас! Ужас!» (Вот уехала от своих; ведь говорили же ей, предупреждали.) Зачем она не осталась дома! И Мейзи заплакала, ухватясь за железную шишечку.

3. Девчонка, думала миссис Демпстер (которая сберегала крошки для белок и часто завтракала в Риджентс-Парке), пока не знает, что к чему...

3. Ах да – аэроплан! Миссис Демпстер всегда хотелось увидеть дальние страны. У нее был племянник-миссионер. (Аэроплан бог знает чего выделявал, кувыркался.) Она всегда далеко заплывала в Маргейте, конечно, не так чтоб совсем не видно с берега, но она не терпела женщин, которые воды боятся. Он мчался и падал. У нее прямо дух захватило. Опять вверх! Там прекрасный парень сидел, миссис Демпстер об заклад была готова побиться, и все дальше, дальше летел аэроплан, летел и таял – все дальше, дальше; проплыл над Гринвичем, над всеми мачтами; над островком серых церквей, святого Павла и прочих, туда, где за Лондоном лежат поля, и темные стоят леса, и дрозд-ловкач прыгает дерзко, глядит зорко и – хватать улитку об камень – раз-два-три!

4. Все дальше, дальше летел аэроплан, пока не стал яркой искоркой; стремлением; сутью; символом (как представлялось мистеру Бентли, который вовсю трудился у себя в Гринвиче, подстригал машинкой газон) души человеческой...

Is that serious?

Ричард сунул в карман сдачу и отправился, прижимая к груди охапку цветов, в Вестминстер, чтобы с порога сказать (и пусть она что хочет, то про него и думает), протягивая цветы: «Я тебя люблю». Почему не сказать? Ведь это же просто чудо, как вспомнишь о войне, о тысячах бедных парней, совсем молодых, которые свалены в общих могилах и почти позабыты; просто чудо. А он вот идет по Лондону, идет сказать Клариссе, что он любит ее, именно в этих словах. Такое, в общем, не говоришь, думал он. Отчасти ленишься; отчасти стесняешься. А Кларисса... О ней трудно думать; разве вдруг, приступом, как за ленчем, когда он отчетливо увидел ее всю; всю их жизнь. Он стоял у перехода и повторял про себя - простой по натуре и неиспорченный, настойчивый и упорный, защитник прав угнетенных, всегда искренний в палате общин, но в последнее время чересчур молчаливый и скованный, - он повторял про себя, что это же чудо, что он женат на Клариссе; чудо, чудо, его жизнь - настоящее чудо, думал он; и медлил у перехода. Но кровь в нем вскипела при виде карапузов лет пяти, которые - одни, без присмотра - пересекали Пиккадилли. Полиция в таких случаях обязана сразу перекрывать движение. Относительно лондонской полиции он не слишком обольщался. Он, собственно, собирал даже данные о преступном ее нерадении; а торговцы? Почему они ставят тележки на улице - это запрещено. А проститутки? Господи, конечно, не они виноваты и не бедные юноши, но наше отвратительное общественное устройство и прочее, прочее. Обо всем этом он размышлял, и эта работа мысли была в нем видна, когда, седой, элегантный, упорный, чистый, он пересекал парк с тем, чтоб сказать жене, что он любит ее.

Ирония???

Мистер Брюер обдумывал, как бы ходатайствовать о повышении ему жалованья, когда разразилось такое, что спутало все расчеты мистера Брюера, отняло у него лучших молодых людей, а вдобавок — от этой ужасной войны никуда не денешься — разбило гипсовую статую Цереры, вспахало клумбу с геранями и вконец расстроило нервы кухарке мистера Брюера — дома, на Максвелл-Хилл.

Ударили часы. Тот молодой человек покончил с собой; но она не жалеет его; часы бьют — раз, два, три, — а она не жалеет его, хотя все продолжается. Всплыли слова: «Злого зноя не страшись». Надо вернуться. Но какой небывалый вечер! Чем-то она сродни ему — молодому человеку, который покончил с собой. Она рада, что он это сделал; взял и все выбросил, а они продолжают жить. Часы пробили. Свинцовые круги побежали по воздуху. Надо вернуться. Заняться гостями. Надо найти Салли и Питера. И она вышла из маленькой комнаты обратно в гостиную.

Уж не пародия ли он?

– Я тоже пойду, – сказал Питер, и он еще на минуту остался сидеть. Но отчего этот страх? И блаженство? – думал он. Что меня повергает в такое смятение?

Это Кларисса, решил он про себя.

И он увидел ее.